

А
Константин Бальмонт

Три встречи с Блоком

Воспоминания о серебряном веке.

Сост., авт. предисл. и коммент. Вадим Крейд.

М.: Республика, 1993. -- 559 с.

OCR Ловецкая Т. Ю.

Бывают встречи совсем беглые, как будто вовсе незначительные, и длительность их малая, всего лишь несколько секунд или минут, а память от них остается -- и светит с достоверностью далекого зарева зари, с неустрашимостью тонкого шрама на руке от случайного секундного прикосновения дамасского клинка.

Много было у меня в жизни разных встреч и с людьми самыми различными. С писателями русскими последних десятилетий мне приходилось в то или иное личное соприкосновение вступать хоть на краткое время с очень многими, и о многих могу сказать, что всякая память о них в моей душе исчезла, о других могу сказать, что я мог бы с ними не встречаться никогда, к третьим, немногим, таким, как Юргис Балтрушайтис, Вячеслав Иванов, Марина Цветаева, душевное мое устремление настолько сильно,-- и так таинственно,-- по видимости, беспричинно -- остра и велика моя радость от каждой встречи с ними, что явно, нас связывает какое-то скрытое, духовное сродство, и хочется сказать, что мы где-то уж были вместе на иной планете, и встретимся снова на планете новой в мировых наших блужданиях.

Блок, в моей жизни, не входит в указанные разряды. По прихоти обстоятельств жизни, и его и моей, мы встретились всего лишь раз пять, и только три из этих немногих встреч запали мне в сердце, и запали неизгладимо. Между тем совсем ничего особенного не было в этих встречах. Я даже лишь приблизительно помню даты этих встреч: первая -- в доме С. А. Соколова-Кречетова, основавшего в Москве книгоиздательство "Гриф" -- кажется, в 1903 году; вторая, должно быть, в 1913 году, в книгоиздательстве "Сириус" в Петербурге; третья -- в доме Федора Сологуба, в Петербурге же, если не ошибаюсь, в 1915 году. Но вот, хоть даты указываю шатко и могу в каждой ошибиться на год, эти встречи живут во мне ярко,-- и с четкостью, с яркостью лучистой, как это бывает в красивом или жутком или жутко-красивом сне, я вижу сейчас красивое, мужественное лицо Блока, его глубокие умные глаза, слышу его голос, полный скрытого значения, его немногословная речь говорит душе много, я ощущаю тишину Блока, в моей душе, дрогнув от соприкосновения с зорким духом, воцаряется ее собственная, ей свойственная, с нею содружная тишина, и я снова и снова чувствую боль и нежность, беспричинную любовь к братской душе, которая идет неизъяснимо-трудным путем, но не скажет, никому не скажет о своих великих трудностях, о своем неизбежном одиночестве, и вот сейчас уйдет, чтобы безгласно и глубоко говорить с далью, и с ветром, и с мерцанием снега, и с звездой в холодной выси, и с перебивающимися, самому себе противоречащим, самого себя жалеющим звуком далекого колокольчика.

От детских дней я люблю снег с той степенью нежности и душевной раскрытости, с какою любил живое существо. В мерцании снега, будь то солнечный полдень или лунная полночь, так много глубокого говора, что душа согласна и хочет и может говорить со снегом без конца. Снег притягивает, но и удерживает, белизна его манит -- и останавливает. Я люблю снег как живое существо, но мне не придет желание наклониться и поцеловать снег. Такое свойство -- что-то из этого очарования снежного царевича -- присутствует изобильно в поэзии Блока. Что-то из этого было и в очаровании его жизненного лика. Моя ли застенчивость, его ли застенчивость, или гордость, или что иное, но в Блоке мне казалось, в одновременности, замкнутая равномерность силы притягивающей и силы удерживающей, если не отталкивающей. Это было во все три встречи, о которых я говорю.

Первая встреча -- в раме дружеского юного пира, в свете утренних зорь, в правде многих соприкоснувшихся на миг поэтических душ, из которых каждая, внутренним ясновидением, четко сознавала и знала про себя, что путь предстоящий -- богатый и полный достижений. И в этот первый миг свиданья юноша Блок показался мне истинным вестником. Третья встреча, за дружеским ужином у Сологуба, очаровательного поэта, очаровательного хозяина и человека с острым проникновенным умом, явила мне Блока читающим замечательные стихи о России, и он мне казался подавленным этой любовью целой жизни, он был похож на рыцаря, который любит Недосыжимую, и сердце его истекает кровью от любви, которая не столько есть счастье, сколько тяжелое, бережно несомое бремя. Казалось, что Блок поникал, пригибался, что тяжесть, которую он нес, была слишком велика даже и для его сильных рук, даже и для его упрямства, священного, как обеты средневековья. Вторая встреча, когда он сидел в углу молча и мы обменялись лишь двумя-тремя словами, всего красноречивее сейчас поет в моей памяти. Я никогда не видал, чтобы человек умел так красиво и выразительно молчать. Это молчанье говорило

А